

МОСКВА—США—МЕКСИКА—МОСКВА

(Окончание. Начало на 2-й стр.).

мы все же пытались кое-что посмотреть в театрах, музеях, «радиоситях», побывать на симфонических концертах.

Из всей бродвейской спекуляции искусством только два спектакля привлекают внимание широкой публики. Один из них — «Скрипач на крыше» по мотивам рассказов Шолом-Алейхема, в основу же спектакля положен роман «Тевье молочник», с его темой «маленького человека». Содержание романа «несколько модернизировано» в стиле американских вкусов, но спектакль благодаря замечательной игре актеров идет на Бродвее уже второй год. Поставлен спектакль Джеромом Роббинсоном как драматический, но с хорошей музыкой, песнями и танцами.

В Штатах сейчас на каждом шагу можно встретить молодых людей, чечень своеобразно и небрежно одетых, с длинными волосами и бородами, напоминающих наших далеких первобытных предков. Некоторые из них ходят босиком (вероятно, только летом?), с цепями на шее и вообще... не моются. Это хиппи. Они нигде не работают, живут группами (мужчины и женщины вместе), в опустевших районах, на полях ботанических садов, у них рождаются общие дети. Они говорят, что это просто лоджия, другие же, наоборот, что хиппи своим образом жизни протестуют против несовершенного современного капиталистического общества, где человек не уверен в завтрашнем дне и где власть доллара диктует законы джунглей. В Нью-Йорке район Гринвич-Виллаж является «резиденцией хиппи», здесь бьются туристы со всего мира.

На Бродвее, в одном из театров, «они» поставили свой спектакль, форму которого я затрудняюсь описать. Действие начиналось с ходьбы и такой неопределенности, что публика долгое время не могла разгадать, когда же начался спектакль, ибо занавеса никакого не было. Далее словесная сцена, выходящие пороки человеческого общества, эти сцены чередовались с дуэльными эпизодами — лирическими и джазово-драматическими. Пели и играли актеры замечательно. Каждый сатирический текст: куплеты на злобу дня держал зрительный зал в большом оживлении. И все-таки это был смех сквозь слезы, когда в конце спектакля хип-

пи, издаваясь над американским национальным флагом, запятанным грязной войной во Вьетнаме, получали тело убитого друга, завернутого в этот же американский флаг.

Настал день расставания с Нью-Йорком. Неизвестно откуда явились силы для заключительного вечернего спектакля, который прошел с громадным успехом. Всем хотелось в Москву, домой, но впереди был новый калейдоскоп городов: Атланта, Сан-Антонио, Сан-Диего, Лос-Анджелес, Сан-Франциско, Портленд.

Грандиозную работу в гастрольях провел А. Мессерер как педагог, дающий ежедневные уроки, и репетитор всех программ. Он выезжал вперед в города, где предстояло работать, готовил американских детей, участвовавших в «Класс-концертах», и возвращался на спектакль, участником которого был.

«Самым эффектным, но непосредственно произвольному впечатлению, номером программ был «Класс-концерт» Асафа Мессерера, который начинается упражнениями у станка и кончается невероятными феерическими...». «Дети балетной школы смелыми со звездами, и все это вместе с присутствием на сцене Мессерера создает чарующую картину».

«Прелестный «Класс-концерт» А. Мессерера заканчивал программой. Здесь особенно интересны мужчины — каждый слезушки танцор, умишающий достоинства предыдущего». «В конце танцоры и балерины танцевали в парад, девушки взлетали в воздух, как лебединые перья, или заставляли в руках партнеров, подобно римским кандалабрам...»

Многие города, в которых предстояло выступить после Нью-Йорка, были для нас загадками, не говоря уже о Техасе, которого мы побаивались, так как были первыми советскими людьми, ступившими на эту землю. Но в Сан-Антонио оказалась не только большая публика, но и стоил аллюировать до начала следующего номера. Нам это очень удивило и, разумеется, «подогрегло». Мы города устроили прием на загородном ранчо, где мы впервые увидели «танец сердца», «печеня» и других частей человеческого тела в разрезе. Все это экспонировалось на огромном экране, в натуральных цветах, под дикуму музыку, автоматически соединенную с экраном.

Однажды, это было уже не в Те-

После окончания последнего гастрольного спектакля «Класс-концерт» в «Метрополитен-опера». Фото Ю. Игнатова.

хасе, в ресторане гостиницы, где мы жили, играл джаз в составе двух электрогитар, ударника и электрооргана. Музыканты были одеты в монашеские рясы, подписанные веревками. Потом исполнители надели на головы шапочки с отверстиями для глаз и оказались в костюмах ку-клукс-клана.

Все цитаты, приведенные мною, не означают, что в наш адрес не было критических замечаний и что все наши концерты прошли на круглых «патырках». Нет, были и «стройки», но их было немного. После «троек» руководство гастрольми проводило индивидуальные беседы, или мы собирались все вместе на мобилизующее собрание. «Эпоушмеленки» не было, были большие, была усталость.

Я вполне согласен с той частью критики, которая хочет видеть Большую театр с полнометражными спектаклями. Одна из газет писала: «Что бы мы получили, если бы «Ла Скала», приехав к нам, привез, допустим, какой-то акт из «Мадам Баттерфляй», несколько различных арий, прекрасно спетых, и современную одноактную оперу для того, чтобы показать технический блеск и художественную зрелость

исполнителей. Если бы мы были честны, то были бы несколько разочарованы, выразив свое небольшое «удовольствие». Или «Второй акт «Жизели» вряд ли можно считать самостоятельным куском — без первого акта трудно понять историю положения героини, непонятна и трансформация героя... к тому же один задник был куплен и непонятный кордебалет».

Многим рецензентам нравился подбор программ, другие же, наоборот, называли ее «сборной солянкой».

Болезненно воспринимались критикой и публикой любые, даже крохотные изменения в объявленной программе, за исключением тех случаев, когда мы давали некоторые номера сверх программы.

За 91 день гастрелей в США и в Мексике мы дали 87 представлений.

Ответственными были выступления в «одноактном» Лос-Анджелесе — столице американской кинопромышленности, городе автомобилей и кинозвезд. Жили мы в самом Голливуде и ходили по мостовым, в которые монтированными именами знаменитых артистов: «На всех наших представлениях неизменно в первом ряду сидела Миллида Корьюс (Карла Дюженн из «Большого валса»). Несмотря на свой преклонный возраст, она велела себя как ребенка, довольная концертом, и в конце крикнула колоратурой «бра-а-а», но так сильно, что в зале ее удивились, а оркестр устроил ей овацию.

Незабываем «Диснейленд», где дети и взрослые получают одинаковое удовольствие; «Мерилленд», где дельфины играют в бейсбол и танцуют модный танец «шейк». Группы огромных китов по команде с земли вылетают из воды и делают одновременно salto с удивительной точностью. Это дельный театр, где актеры — рыбы.

К великому сожалению, в рамках статьи я не могу рассказать подробно обо всех участниках гастрелей, хотя они своими трудом и сознательным отношением к делу заслуживают самой высокой похвалы. Это Н. Баранова, Н. Власов, С. Вискова, Т. Волонова, И. Ермоленко, Г. Кравченко, И. Кудряшова, Т. Кузнецова, Е. Матвеева, А. Цинна, Е. Шапкина, Т. Щенкова, К. Юкина и, конечно же, режиссер Ю. Игнатов и концерт-

Говоря о недостатках в гастрольях, следует отметить группу была сформирована

поздно. В связи с этим еще позже определились окончательный репертуар, а репетировать времени не оставалось. Репетировали мы фактически уже за рубежом, выполняя двойную нагрузку.

Несмотря на то, что известный критик Клайв Барнс из газеты «Нью-Йорк таймс» писал: «Знаете, когда Большой театр танцует, не имеет значения, сколько их — 40 или 400, они действительно производят впечатление», — тем не менее выезжать без резерва очень опасно. К концу гастрелей у нас болели М. Кондратьева, К. Рабинкина, Н. Филиппова, Т. Черкасская, В. Тихонов, В. Романенко, Ш. Игудин и другие. В то же время в репертуар. Далее, группа прилетела 22 апреля, а 24-го началась гастроль. Между тем разница во времени 7—8 часов, к этому ведь надо хоть как-нибудь привыкнуть, и запас времени в полтора дня для этого слишком мал. О спешеческих площадках и об оркестре я уже писал.

Артисты Большого театра за рубежом слишком велики, и мы просили обзавестись шпифоват организационную сторону каждых поездок.

Работники художественно-постановочной части В. Василья, Н. Нестратова и И. Вишневецкий были неутомимы, и для всех нас всегда оставалась загадкой, как они успевают втроем готовить три программы.

Руководителем поездки был А. Томский, заместителем — Ф. Перепелов, которые проработали огромную организационную работу на протяжении всех гастрелей.

Если бы я начинала статью сначала, ее вилграфом могли бы быть слова — большой успех политический и творческий, который дал нам новые тысячи поклонников советского искусства.

Американские зрители жаждут слышать Большую оперу. Они пишут и знают многих наших солистов оперы: И. Архипова, Т. Вишневецкую, Т. Миланкину, В. Ланко, П. Ляшкова, И. Петрова.

«Кому надо преподнести самый большой букет?» — писала одна из американских газет. Вероятно, букет следует преподнести самому Советскому Союзу, так как Большой (это означает «Великий») является лучшим из всех возможных средств, которое расплетает лед холодной войны.

Жаль, что весь мир не может греться в его лучах».